

Vlašínová, Vlasta

Několik dopisů z pozůstalosti S.G. Vilinského

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D, Řada literárněvědná. 1975, vol. 24, iss. D22, pp. [179]-194

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/108190>

Access Date: 23. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

VLASTA VLAŠINOVA

NĚKOLIK DOPISŮ Z POZŮSTALOSTI S. G. VILINSKÉHO

PhDr. Sergij Grigorjevič Vilinskij byl prvním profesorem ruské literatury na české univerzitě v Brně, kde působil téměř dvacet let. Narodil se roku 1876 v Kišiněvě v Rusku, vystudoval slavistiku na Novorossijské univerzitě v Oděse. Tam se také habilitoval a byl později jmenován profesorem staré ruské literatury. Válečné události v jižním Rusku v letech 1918—1919 ho přinutily k odjezdu s celou rodinou do Bulharska. Čtyři roky vyučoval na gymnáziích v Plevnu, v Plovdivu a v Sofii; žil ve značně stísněných poměrech, jak o tom svědčí jeho soukromá korespondence a jeho deníky, které se zachovaly v pozůstalosti. Úsilím dvou československých profesorů slavistů Václava Vondráka a Stanislava Součka byl S. G. Vilinskij pozván do ČSR a ustanoven roku 1923 profesorem na nově založené Masarykově univerzitě v Brně. Zde působil (se šestiletým přerušením za okupace) až do 1. srpna 1948. Ve dvaasedmdesáti letech odešel na vlastní žádost do penze. Zemřel v Praze 15. ledna 1950, pohřben je na Ústředním hřbitově v Brně.

Vědecký zájem S. G. Vilinského se ubíral trojím směrem: k památkám staroruské církevní literatury, k novodobé literatuře bulharské a k ruské literatuře 19. století. V řadě studií zkoumal Vilinskij staroruské legendy a životopisy svatých, jejich slohové a látkové proměny v dochovaných rukopisech, jejichž kritickému vydání věnoval značnou péči. Bibliografie prací profesora S. G. Vilinského je zachycena ve sborníku Slavica, vydaném roku 1973 Univerzitou J. E. Purkyně v Brně.

*

Publikujeme zde dopisy, adresované S. G. Vilinskému, které věnovala 5. dubna 1974 jeho snacha paní Vojtěška Vilinská archivu Ústřední knihovny filozofické fakulty Univerzity J. E. Purkyně. A to:

I. Korespondenční lístek Václava Vondráka (ze 17. června 1921) z Dubu u Vodňan, jímž zve S. G. Vilinského k trvalému působení na nových univerzitách v Brně nebo v Bratislavě.

II. Dopis A. V. Florovského (ze 3. června 1945) z Prahy se žádostí o fotokopii české brožury ze 17. století z fondů Univerzitní knihovny v Brně. Pisatel se zmiňuje kriticky o Jiráskových Přehledných dějinách ruské literatury. Oznamuje skon A. D. Grigorjeva v Praze.

III. Dopis Josefa Jiráska (z 10. srpna 1946) z Brna s prosbou o sdělení data úmrtí V. I. Němiroviče-Dančenka pro druhé vydání Přehledných dějin ruské literatury.

IV.—V. Lístek (z 20. září 1947) a dopis (z 10. října 1949) Vladimíra L. Podgorodnikova z Plovdivu v Bulharsku; oba se týkají zásilek bulharských novin profesoru Vilinskému do Československa.

Kromě toho publikujeme dopisy samého S. G. Vilinského, jejichž adresátem byl brněnský rusista, literární historik Josef Jirásek (1884—1972). Vybíráme jen literárně nebo kulturně-historicky zajímavé listy. Originály jsou uloženy v Památníku národního písemnictví v Praze. Je to pět dopisů, posílaných z Prahy do Brna.

VI. Dopis (z 2. září 1945) obsahující některé doplňky a kritické připomínky k Jiráskovým Přehledným dějinám ruské literatury.

VII. Dopis (z 27. března 1946), v němž S. G. Vilinskij děkuje za věnování Přehledných dějin ruské literatury, kladně hodnotí dosavadní Jiráskovu rusistickou činnost a načrtává program nového pedagogického působení na brněnské univerzitě pro případ své reaktivace. Sděluje dále na Jiráskův dotaz, že je schopen a ochoten napsat populární stručné dějiny nové bulharské literatury.

VIII. Dopis (z 21. dubna 1946), v němž slibuje obstarat knihy ruského spisovatele K. G. Šildkreta, o němž se J. Jirásek zajímal.

IX. Dopis (z 13. srpna 1946), v němž S. G. Vilinskij sděluje osobní data spisovatele Němiroviče-Dančenka a současně sám žádá o zjištění dat úmrtí spisovatelů Balmonta, Bunina, Ivanova, Teffi, a Ščepkin-Kupernikové.

X. Dopis (z 19. srpna 1946), obsahující nové zpřesnění dat narození a věku spisovatele Němiroviče-Dančenka podle náhrobku na Olšanech.

Text všech publikovaných dopisů je upraven podle současných pravopisných norem ruského spisovného jazyka. V dopisech českých korespondentů jsou ponechány některé lexikální a stylistické omyly.

I

Dub 17 června 1921

Многоуважаемый господин коллега,

так как профессор В. А. Погорелов¹ обратил мое внимание на Вас, позволяю себе спросить Вас, если бы Вам хотелось читать лекции по русской литературе как профессор договорный на время, пока Вам нельзя вернуться назад в Россию, или навсегда. Вы могли бы читать на русском языке на одном из наших новых университетов (Брно, или Братислава)². В этом случае прошу прислать Ваше curriculum vitae и перечень Ваших работ уже напечатанных. В истинном уважении Вам преданный

Вячеслав Вондрак

*Dub près Vodňany
Bohème*

Zlутý korespondenční lístek (140×90 mm), odeslaný doporučeně. Na jedné straně adresa (S. G. Vilinskij, ženské gymnásium, Plevno), tištěné frankování 40 hal. a nalepená známka 25 hal. Na druhé straně text, psaný ručně černým inkoustem. Lístek je silně poškozzen.

¹ Valerij Alexandrovič Pogorelov (nar. 1872 v Petrohradě), původně řádný profesor srovnávací slovanské filologie na univerzitě ve Varšavě, od roku 1924 pak profesor ruského, srbocharvátského a bulharského jazyka na Komenského univerzitě v Bratislavě. Jeho vědecké práce se převážně týkají doby cyrilo-metodějské a cara Simeona.

² Sergij Grigorjevič Vilinskij byl smluvním profesorem ruské literatury na Masarykově univerzitě od 14. února 1923.

II

3/VI 1946, Praha XIX-Dejvice
Třída Krále Alexandra 17

Дорогой Сергей Григорьевич

Баше возвращение в Брно в Университет можно всячески приветствовать, — поздравляю Вас с этим „достижением“! У нас в Праге дела идут иначе и мы с Окуневым¹ все еще остаемся отверженными, видно — в стране и в пражском Университете не хотят выпускать на кафедру эмигрантов . . . Ну, что-же, подождем, а пока работаем и так во всю. Сейчас пущены в ход все мои работы, которые при немцах были уже набраны, но задержаны цензурой, авось к осени эти мои „непечатные“ работы выйдут все в свет. А к тому времени будет изготовлено и еще кое-что новое. Я не прерываю своих изысканий, пока позволяют силы, и кое-что делаю. Не так легко с печатанием. Чешские работы провести легко, но для чешско-русских тем пока места нету.

Кстати, видали ли Вы историю русской литературы доктора Йираска, брненского? Она сейчас лежит у меня на столе — первые два тома. И издают же такие писания!

У меня к Вам „ученая“ просьба. Я выяснил, что в библиотеке Университета в Брне имеется уникат — брошюра чешская XVII века, касающаяся Праги и Пражан. Я уже собрал все чешские и пражские *Rossica XVI* и *XVII* вв., хочу сделать обзор их, а вот брненской книжки еще не видал. Не могли ли бы Вы при случае взглянуть на эту книжечку (всего 4 листа) и нельзя ли было бы устроить с нее фотокопию самым дешевым способом — на фильм маленький или же негативный снимок на бумаге печатать? Я бы только хотел заранее знать, что это могло бы теперь стоить — несколько дней назад я из Бреслау получил такой снимок на фильме целой книжечки — за две почтовые марки по 50 гелеров! Книжка эта имеет шифр 94360 (*Brno, Universita, Nowina velmi žalostivá o hroznem a straslivem wpádu Turkúw* и тд. leta 1673, в 12-долю листа, 4 листа. — Простите, что беспокою Вас такой просьбой, в Унив. библи. у Вас наверно делают такие снимки.

Да: А. Д. Григорьев скончался 3. 5. 1945 — перед самым восстанием после двух лет лежания в больнице — тяжелый плеврит с тягостным эксудатом.

Еще раз желаю Вам всего наилучшего

Ваш А. Флоровский²

Šedobílý dopisní papír (202×293 mm), text psán ručně po obou stranách listu modrým inkoustem. Douška o skonu A. D. Grigorjeva je napsána podélně na okraji. Bez obálky.

¹ Nikolaj L'vovič Okunev (1886—1949), ruský archeolog a historik umění, původně profesor na Novorossijské univerzitě v Oděse, od roku 1925 profesor na Karlově univerzitě v Praze, člen Slovanského ústavu.

² Antonij Vasiljevič Florovskij (1884—1968), ruský historik a vydavatel staroruských památek. Původně profesor ruských dějin na Novorossijské univerzitě v Oděse, od roku 1922 profesor na Karlově univerzitě. Předmětem jeho vědeckého zájmu byly česko-ruské vztahy kulturně a literárně historické.

III

10/VIII 1946

Уважаемый господин профессор!

В своей книге „Přehled. dějiny ruské literatury“ я сделал ошибку; написал, что Немирович-Данченко¹ умер 1927; но он был еще 1938 жив и здоров и славил в Праге 80 лет. юбилей². Теперь мне незнакомо, когда он умер, думаю, что это было во время Протектората. Моя книга уже разобрана, издатель хочет второе издание.

Прошу Вас, будьте так добры, сообщите мне его (Н. Данченко) кончину, для нас невознаградимую потерю. Благодарю Вас за все и свою благодарность я позволил себе выразить на конце моей книги (4 том).

Когда приедете в Брно, я Вам их принесу. Извините, что я пишу Вам только по делу; у нас у всякого свои занятия — и так Вас постоянно беспокою.

Вам преданный и любящий

О. О. Ирасек

Dopis na šedobílém papíře, 1 list (210×300 mm)); text je psán ručně po jedné straně modrým inkoustem. Bez obálky.

¹ Šlo o prozaika Vasilije Ivanoviče Němiroviče-Dančenka, bratra známého režiséra a dramatika — Vladimíra Ivanoviče.

² V roce 1938 nemohl slavit V. I. Němirovič-Dančenko své osmdesátiny, neboť se narodil r. 1844. Zemřel 18. září 1936 v Praze.

IV

20/IX 1947 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Григорьевич!

После Вашего письма от 11/VIII из Праги до сих пор не получил от Вас никакого известия и оба мы очень беспокоимся, здоровы ли Вы? Писал Вам в Прагу и туда же посылал газеты, а теперь воздержусь посылать, пока не получу от Вас ответа, т. к. думаю, что вы уже в Брно! Мама и я шлем Вам сердечный привет и лучшие благопожелания!

Искренне уважающий Вас Подгор (одников)

Zelený korespondenční lístek (143×108 mm) z 10. září z Plevna. Na jedné straně česky psaná adresa (S. G. Vilinský, Grohova ul. 7, filosofická fakulta, Brno), na druhé straně ruský text. Frankováno tištěnou známkou 3 Lv, dvěma známkami po 4 Lv a jednou 1 Lv. Psáno ručně modrým inkoustem.

V

10/X 1949 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Григорьевич!

Мама и я сердечно благодарим Вас за поздравления и пожелания. Письмо Ваше, как никогда, шло 12 дней.

Не знаю, поздравлять ли Вас с предложением остаться на службе, или нет. Вы писали, что у Вас расшатано здоровье и нет сил, — что же Вы решили? Я надеялся, что Вы напишете, куда Вам посылать газеты, а сейчас я не уверен, хорошо ли делаю, что посылаю их в Прагу. Если нужно посылать их в Брно, то пожалуйста, напишите.

Кажется, начинается ранняя зима и я очень озабочен тем, что еще не имею ни дров, ни угля, ни других каких-либо запасов. Учащиеся не спешат с уроками и придут, вероятно, за 2—3 дня до классных упражнений, а особенно не спешат заплатить за взятые уроки, и приходится десятки раз их вызывать к себе, но и тогда они не спешат прийти! Все отговариваются тем, что сейчас не имеют (а прошло больше месяца). Здоровье мамы не важное, часто простуживается, и сейчас больна. От всей души желаем Вам быть здоровым, бодрым и жить на радость внукам!

Искренне уважающие Вас Н. и В. Подгородниковы¹)

Dopis na zeleném linkovaném papíře (233×150 mm); ručně psaný text po obou stranách listu modrým inkoustem. Žlutá obálka s český psanou adresou (dr. S. G. Vilinský, ul. Nad Štolou, čis. 6, Praha VII, Letná). Frankováno pěti známkami po 4 Lv. Poštovní razítko Plevně 17. 10. 49.

¹ Vladimír L. Podgorodnikov byl kolega S. G. Vilinského na ženském gymnáziu v Plevně v letech 1920—1921. Obě rodiny udržovaly přátelské vztahy i po přestěhování Vilinských do Československa.

VI

V Praze dne 2/IX 1945

Уважаемый г-н профессор,

когда в 1937 г. вышла Ваша книга о советской литературе,¹ я условился с проф. Беером,² что дам рецензию в журнал „*Naše věda*“. Немедленно сделать это мне не удалось вследствие семейных причин (длительная тяжёлая болезнь моей жены, а затем и смерть ее), а когда рецензия была готова, нельзя было печатать, ибо началась война с СССР и все русское попало под запрещение. Потом я переехал в Прагу, рецензию потерял и не вспомнил бы о ней, если бы на днях в одном книжном магазине мне не сказали, что в ноябре ожидается второе издание Вашей книги. По счастью, удалось достать книги на несколько дней (в Брне в 1937—8 г. и позже, как ни старался, купить не удалось, и своего экземпляра не имею) и опять бегло просмотреть ее. Скажу Вам прямо, что моя покойная

Dub 17/6 1921

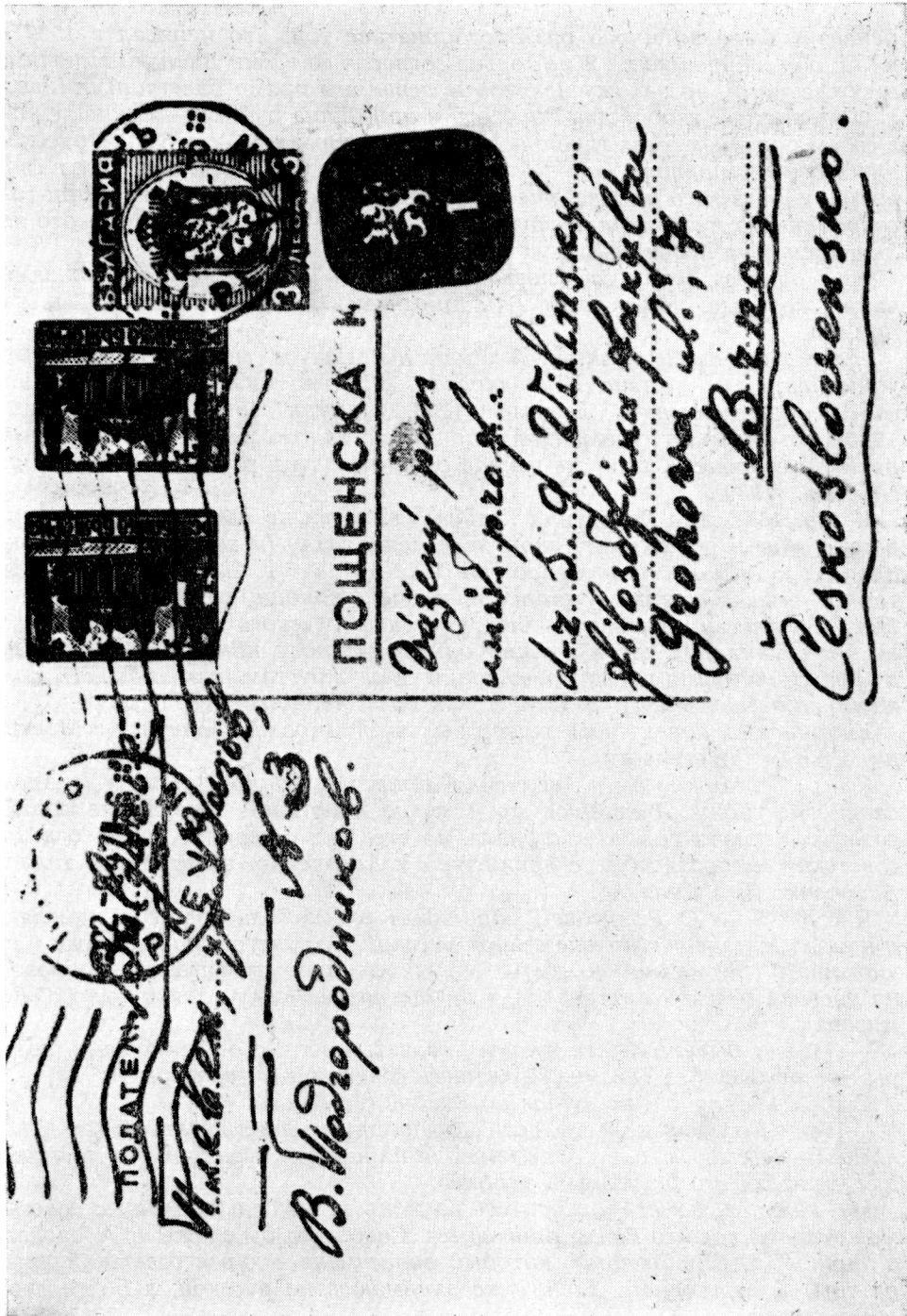
Многоуважаемым Господинъ Владиславу
 какъ какъ проф. В. В. Погорелову
 обращаю мое внимание на Вашъ
 возмужство себя спросить Росс
 и на Ва Вамъ хотѣлось ли
 жить о русской литературѣ
 съ профессоромъ договорили
 на время пока Вамъ нельзя
 жить покуда въ Росс
 или навсегда (Вы могли бы
 читать на русскомъ языкѣ)
 на одномъ изъ нашихъ новы
 и университетовъ (Брно или
 Братислава). Въ этомъ случаѣ
 прошу прислать мне Ваше
 Curriculum vitae и перечень
 Вашихъ работъ уже напеча-
 танныхъ въ истинномъ уваже-
 нии
 Вашъ преданный
 Владиславъ Вондракъ
 Dub přes Vodňany
 Poštou

10-8-9497)

Глубокоуважительный и
дорогой Сергей Григорьевич!

Мама и я сердечно благода-
рим Вас за поздравление и
пожелания! - Мыслимо Вам, как
никогда, много друзей?

Мы знаем поздравить ли Вас
с предположенным отъездом еще
год на службу, или нет. - Вы
писали, что у Вас расшатано
здоровье и нет сил, - что же
Вы решите? Я надеюсь, что
Вы напишете - куда Вам посыл-
ать газеты, а сейчас я не
уверен - хорошо ли делать, что
пошлём их в Прагу. Если
нужно пошлём в Брно, до
позднейшего, напишете.

4. Korespondenční listek V. Podgorodnikova

рецензия была во много раз благоприятнее той, что написал в 1937 г. в Lid. nov. Гейденрейх.³ Я не только согласен со всеми Вашими выводами и суждениями, но нахожу некоторые страницы прямо блестящими (напр. характеристика творчества Горького и др.). Ваша работа — единственная в своем роде, как была такою первая работа Врзала⁴ (Aug. Stin) о русской литературе, вышедшая еще до появления книги Скабичевского или, в свое время, работа того же Скабичевского: множество фактического и при том современного материала, трудно поддающегося классификации — это делает Ваш труд неоценимым.

Не сердитесь, если я себе позволю сообщить Вам несколько своих замечаний, которые, может быть, Вам пригодятся для 2-го издания. Так, например:

главу „Spisovatelé se sklony k látkám historickým“ можно бы дополнить упоминанием о романе Шильдкрета⁵: „Подъяремная Русь“, 1935 (это собственно трилогия — „Бунтарь“, 1933, „Мамура“, 1934, и „Кубок орла“, 1935): роман стоит упоминания по своей художественной и особенно идейной стороне. К этой же группе надо отнести и роман Б. Яна⁶: „Чингиз-Хан“, 1939.

К стр. 187: отец Валентина Катаева⁷ никогда не был učitelem při universitě, ибо и должности такой не существовало (я ведь был не только профессором, но и проректором от 1912 до 1917 г. Одесского университета, и личный состав служащих знаю очень хорошо); отец В. Катаева — Петр Васильевич Катаев — был учителем русского языка в Одесском военном училище, где я служил одновременно с ним в 1903—5 г.; но в 1905 г., во время первой революции, я службу там (как либерал!) должен был оставить, а Н. В. Катаев, как ярый черносотенец, остался.

Куприн⁸ под конец своей жизни был амнистирован, вернулся в Москву и умер там (от старости).

К стр. 77: Можно бы к Аверченко⁹ придать в Тэффи¹⁰ (Надежда Александровна урожд. Лохвицкая, по мужу не знаю как): правда, она против советской жизни яро не выступала, но весь дух ее сочинений явно анти-советский и гораздо более яркий, чем у Аверченко: за границей талант Аверченко был в упадке.

К стр. 77 — О Ремизове¹¹, юродивом русской литературы, кривляке и подделывателе-исказителе старой русской литературы можно даже и не упоминать (ох! не люблю я его: будучи специалистом главным образом по древней русской литературе, я лучше других вижу „ловкость рук“ Ремизова).

— Может быть, найдете нужным сказать поболее о символизме, который не остался без влияния и на часть советской литературы?

Стр. 73 — Vaňové: не лучше ли Vaňové (от Ваня)?

— Было бы очень хорошо, если можно, примечания давать не „по руколомной системе“, т. е. в конце книги, а на каждой странице под текстом: для читателя это безусловно удобнее.

Ну, кажется, и все! Не сердитесь на меня за мои непрошенные советы: может быть, кое-что Вам и пригодится. Советовал бы также побеседовать с проф. Р. О. Якобсоном¹², который более меня в курсе советской литературы: Я ведь теперь давно уже занимаюсь не русской, а болгарской литературой.

Слышал, что Вы стали моим преемником по кафедре русской литературы в Масариковом университете: поэтому закончу свое длинное послание сердечным пожеланием Вам успеха на новом поприще.

С глубоким уважением С. Вилинский

Dva listy bílého dopisního papíru s předtištěnou hlavičkou „Dr Sergij Vilinskij, Praha 1, Valentinská 7, telefon 348-79“. Rozměr 000×000 mm. Psáno ručně modrým inkoustem. Bez obálky.

¹ Pisatel minil Jiráskovu knihu *Sovětská literatura ruská (1917—1936)*; nakl. Václav Petr, Praha 1937.

² Antonín Beer (1881—1950), jazykovědec, germanista, profesor Masarykovy univerzity v Brně. Těžištěm jeho vědeckého zájmu byla góština a skandinávské jazyky. Redigoval 27 ročníků časopisu *Naše věda*.

³ Julius Heidenreich = Julius Dolanský (1903—1975), slavista, literární komparatista, profesor Karlovy univerzity v Praze.

⁴ Augustin Alois Vrzal (pseud. A. G. Stín), (1864—1930), člen řádu benediktinů v Rajhradě u Brna, slavista popularizátor a překladatel z ruštiny. Mimo jiné autor knihy *Přehledné dějiny nové literatury ruské* (Brno 1926).

⁵ Konstantin Georgijevič Šildkret (1886—1965), historický romanopisec, který kromě jmenované trilogie *Pod'jaremnaja Rus'* je autorem románu o ruském letci-samoukovi Nikitovi Vyvodkovovi Kryl'ja cholopa (1927).

⁶ Jde nikoli o B. Jana, ale o V. Jana (vl. jm. Vasilij Grigorjevič Jančevckij), (1845 až 1954). Autor historických a dobrodružných románů *Fenický koráb*, *Čingizchán*, *Batyj*, *K poslednímu moři*.

⁷ Valentin Petrovič Katajev (nar. 1897 v Oděse), autor románového cyklu *Na obzoru plachta bílá*, *Samota v stepi*, *Severák*, *Za vládu sovětů*.

⁸ Alexandr Ivanovič Kuprin (1870—1938), ruský romanopisec (*Souboj*, *Jáma*) a povídkář (*Moloch*, *Olesja*, *Granátový náhrdelník*). Po VRSR se krátce ve Francii angažoval protisovětsky, od poloviny dvacátých let usiloval o návrat do vlasti. Amnestován r. 1937.

⁹ Arkadij Timofejevič Averkěnko (1881—1925), ruský humorista a satirik. Po VRSR emigroval, angažoval se protisovětsky, zemřel v Praze. Býval redaktorem petrohradských časopisů *Satirikon* a *Novyj Satirikon*. Autor řady jednoaktovek, pamfletů a povídek.

¹⁰ Teffi (vl. jm. Naděžda Alexandrovna Lochvická-Bučinská), (1876—1952), sestra básničky Mirry Lochvické. Autorka humoresek a komedií, Averkěnкова spolupracovnice v *Novém Satirikonu*.

¹¹ Alexej Michajlovič Remizov (1877—1957), ruský prozaik modernista, který se stylisticky inspiroval byzantskou literaturou středověkou, staroruským folklórem a biblí. K nejvýznamnějším jeho pracím patří román *Křížové sestry* a povídkové sbírky *Pátá jizva*, *Kruh štěstí*, *Legendy o Šalamounovi*.

¹² Roman Osipovič Jakobson (nar. 1896 v Moskvě), v letech 1933—1939 byl docentem a pak profesorem slavistiky Masarykovy univerzity v Brně. Těžiště jeho vědeckého zájmu tkví v komparatistice slovanské a ve versologii.

VII

V Praze dne 27. III. 1946

Уважаемый г-н профессор,

Ваше письмо от 20/III получил и, как только перестанет идти дождь (идет уже 3-ий день!), поеду к М. Стейскалу¹ за книгой. Еще раз сердечно благодарю Вас за нее и очень жалею, что не смогу в достаточной мере отблагодарить Вас за нее: у меня есть здесь только две книги, изданные

в Брне,² и несколько оттисков отдельных статей. Из того, что было издано до 1920 г. в России, удалось купить лишь обе диссертации (докторскую и магистерскую)³ антикварным путем, конечно, да кое-что из *scripta mi-*пога но все в одном экземпляре. Надеюсь в скором времени побывать в Брне и тогда лично передам Вам свои писания.

Теперь о кафедре. Напрасно Вы беспокоитесь и думаете, что я недоволен тем, что Вы стали моим преемником, потому что:

1) когда Вы взяли русскую литературу в Масариковом университете, это была *res nullius*, т. е. ничья вещь, ибо со мною контракт был расторгнут в 1942 г., а другой (даже дефинитивный — Р. О. Якобсон) профессор пребывал не то в Америке, не то в Англии. А быть университету без русской литературы, особенно при создавшемся политическом положении, было бы совсем неудобно. Ergo — Вы сделали хорошее дело, взяв на себя труд читать русскую литературу, и, конечно, за это можно быть только благодарным Вам.

2) Я считаю Вас лучшим в ЧСР в настоящее время знатоком новейшей русской литературы, что Вы доказали своей прекрасной книгой. Значит, Вам „и книги в руки“. Я же лично в последние перед оккупацией годы значительно поотстал от современной русской литературы отчасти потому, что в Брне мало было можно достать книг, а главным образом потому, что уже 15 лет, как меня все больше и больше занимает болгарская литература. Значит, и с этой стороны Вам не в чем себя упрекнуть.

3) Наконец, и с формальной стороны посмотрим: я был от 1923 г. до расторжения контракта всего лишь договорным профессором, то есть получившим поручение читать лекции — и только; ни членом профессорского сбора ни *ředitelem* слав. семинара я не был и даже не мог заказывать книги для семинара по своей специальности (в то время, как, напр. проф. Погорелов в Братиславе, тоже договорный, был членом сбора и *ředitelem*). Проф. сбор так держал меня „в черном теле“, что меня не позвали к участию ни в хабилитации проф. Якобсона, ни даже в состав комиссии по оценке трудов А. Л. Бема,⁴ которого *Nařánek*⁵ и Якобсон хотели посадить на мое место, когда правительство Берана ограничило срок службы профессором 64-летним возрастом. В 1935 году проф. Якобсон, бывший счель короткое время тоже договорным, воспользовался своими связями и *přeskočil* меня, хотя он на 20 лет моложе меня и хотя мне обещали дефинитиву еще с 1925 года... Так что и с формальной стороны я тоже не мог бы иметь никаких возражений против Вас.

Но есть еще сторона моральная и польза дела. А тут я всегда ставил пользу дела превыше всего и всегда был с товарищами по службе в самых лучших отношениях. В Одессе, напр., до 1920 г., будучи ординарным профессором, я отлично ладил с тремя другими специалистами (профессор сверхштатный Мочульский, экстраординарный Рыстенко и доцент Потапов) русской литературы. Хорошие отношения были у меня в Брне и с Якобсоном: мы просто условливались, какие кто будет читать курсы и никогда никаких столкновений между нами не было. Думаю, что, если я буду реактивован, то и с Вами хорошо поделимся. Вам новую и новейшую литературу, мне — древнюю. Помнится в январе деканат затребовал в спешном порядке у меня сообщить, что я буду читать в случае реактивации. Я объявил курсы: *Literatura Moskevské Rusi (XVII—XVIII. stol.)*,

rusko-byzantské literární vztahy и семинар *Četba a výklad starých ruských literárních textů*. В виду спешности сообщил эти названия в деканат, но одновременно написал проф. Травничку, как сениору славянской филологии, просьбу, чтобы он путем личных переговоров с Вами и проф. Якобсоном, удержал за мною эти курсы на случай моей реактивации. Да и то всего лишь на несколько месяцев, так как мне надо немного дослужить до 70-летия и пенсии. Если приедет проф. Якобсон, и с ним поделимся, ибо он имеет титул проф. *ruské filologie*, а значит и более широкий выбор курсов, особенно лингвистических. Словом, и тут ладно все, и я не собираюсь ни конкурировать с Вами, ни в чем либо Вам мешать. Сказать правду, я бы и о реактивации не хлопотал, но получаемая мною пенсия так мала, а расходов на поддержание здоровья так много, что мне тяжело жить на счет сына. Поэтому, когда явилась возможность дослужить до 70 лет (несколько месяцев) и увеличить пенсию, я и решил просить о реактивации.

Что касается Вашего вопроса о том, мог ли бы я написать историю болгарской литературы, — отвечаю утвердительно, но думаю, что:

1) это должна была бы быть книга для широкой публики, так как книжечка *Weinharta*⁶ устарела, а книжечка *Бакарджиева*⁷ — хороший справочник, но не история литературы;

2) это должна была бы быть история н о в о й болгарской литературы (приблизительно от Ботева и П. Р. Славенкова), так как древняя и средняя эпохи едва ли будут рядовому читателю интересны, а для специалистов есть 3 тома Б. Пенева.⁸

Словом, написать могу, но найти издателя едва ли можно, а взяться за работу, которая устареет, пролежав несколько лет, едва ли стоит (отдельные главы имею готовыми).

Сердечно жму Вашу руку и искренне желаю Вам всего лучшего.

С. Вилинский

Dva listy bílého dopisního papíru, z nichž jeden má předtištěnou hlavičku. Psáno ručně modrým inkoustem.

¹ Miroslav Stejskal, pražský vydavatel Jirákových Přehledných dějin ruské literatury, I—IV, 1945—1946.

² S. G. Vilinskij vydal v Brně tyto dvě knihy: O literární činnosti M. J. Saltykova-Ščedrina (Brno 1928) a Petko Jur. Todorov. Život a dílo (Brno 1933).

³ Doktorská a magisterská disertace S. G. Vilinského: Poslanije starca Artemija XVI veka, Odessa. 1906; Žitije sv. Vasilija Novago v ruskoj literature. Issledovanija. Odessa 1913.

⁴ Alfred L. Bem (1886—1945?), literární historik, rusista, znalec Dostojevského, lektor ruského jazyka na Karlově univerzitě.

⁵ Bohuslav Havránek, (nar. 1893), slavista a bohemista, profesor Karlovy univerzity, člen evropských vědeckých akademických společností.

⁶ Jde o Miloše Weingarta (1890—1939), jazykovědce, slavistu. Byl profesorem Karlovy univerzity, pracoval v oboru staroslověnštiny. Napsal mj. Přehled literatury bulharské (Praha, Vilímek, s. a.).

⁷ Georgi M. Bakardžijev, knihovník Slovanské knihovny v Praze v době meziválečné. Zde jde pravděpodobně o jeho studii vydanou ve sborníku *Poznání* (1937) pod názvem *Bulharská poválečná literatura*.

⁸ Bojan Penev (1882—1927), bulharský literární historik a kritik, profesor slovan-
ských literatur na univerzitě v Sofii. Zde jde o jeho čtyřsvazkové (nikoli třídílné) dějiny *Istorija na novata bǎlgarska literatura*, I—IV (Sofia, 1930—1936).

VIII

Прага, 21/IV 1946

Глубокоуважаемый г-н профессор,

Ваше письмо от 4. апреля получилось в Праге, когда я был в Брно. Возвратившись домой, я не мог исполнить немедленно Ваше желание (относительно книги Шильдкрета¹), потому что дома застал целую больницу: жена сына лежала, имея ишиас, а оба внучата лежали больные корью (spalničku). Мне пришлось „делать сиделку“ (прислугу не можем найти) и сидеть дома почти безвыходно. Поэтому я просил одного из своих знакомых навестить нужную Вам справку в унив. библиотеке. Он ходил два раза, но толку не добился. Теперь я имею уже больше свободного времени, и 24-го или 25-го апреля (до 23-го включительно там закрыто) попытаюсь достать Шильдкрета из библиотеки „Русского Очага“², где я сам в свое время брал эту книгу. Если достану, пошлю Вам бандеролью, потому что сам вернусь в Брно не раньше 30-го апреля.

Пользуясь случаем пожелать Вам и всему семейству Вашему здоровья и всего лучшего.

С искренним уважением С. Вилинский

1 dvojlist bílého dopisního papíru bez hlavičky, rozměru 000×000 mm. Psáno ručně tmavomodrým inkoustem. Popsány 3 strany.

¹ Spisovatel K. G. Šildkret, — viz poznámku k dopisu z 2. IX. 1945.

² Russkij očag — společnost ruských emigrantů v Praze, zal. r. ? disponující knihovnou a čitárnou časopisů.

IX

Прага, 13/XIII 1946

Глубокоуважаемый Иосиф Иосифович,

прошу простить мой запоздалый ответ на Ваше письмо от 9/VIII: я только в воскресенье, 11/VIII, вернулся в Прагу (ездил на несколько дней по делам в Брно). Вчера же, в понедельник 12/VIII, навел нужную Вам справку в самом достоверном источнике: сходил в канцелярию русского православного прихода (farní úřad) и узнал, что Вас. Ив. Немирович-Данченко умер 18-го сентября (18. září) 1936 г. в возрасте 82 лет (родился в 1844 г.). Не знаю, кто сообщил Вам, будто он в 1938 г. славил свой 80 летний юбилей: может быть недоразумение возникло потому, что после смерти Н.-Д. был издан в его память „Венок“ (брошюра) и, кажется, именно в 1938 г.¹

А теперь по пословице „долг платежом красен“, — я уже позволяю себе беспокоить Вас своей почтительнейшей просьбой: если Вам известны даты смерти нижеследующих писателей, — сообщите пожалуйста мне.

Но — только в том случае, если знаете, а искать по книгам, словарям и т. п. не надо: я уже искал и в Сов. Энциклоп. словаре, и в чешских научных и энцикл. словарях, и безрезультатно, потому что, если эти писатели умерли, то очень недавно, и даты смерти их в словари не попали.

1. К. Д. Бальмонт (знаю наверное, что умер, но когда, не знаю),²

2. И. А. Бунин³

3. Георгий Иванов⁴ (поэт и критик, не знаю его года рождения, но, кажется, жив: ему теперь около 40—50 лет),

4. Надежда Александровна Лохвицкая (псевдоним Тэффи),⁵

5. Т. Л. Щепкина-Куперник.⁶

Повторяю, если случайно знаете, а искать не надо, тем более, что это не для меня, а для одного молодого человека, который издает любопытную хрестоматию — русские стихотворения, ударения которых совпадают с чешскими ударениями тех же слов: это будет пособие для чешского ученика, изучающего *ruštini*. Если я не сообщу ему этих дат, пусть поищет сам.

Пока желаю вам и Вашей семье здоровья и всего лучшего.

Ваш С. Вилинский

P.S. В Вашем письме была марка, а так как в Праге марки тоже достать можно, то возвращаю Вам ее с приложением другой, чтобы ей не было скучно ехать одной. Еще раз — всего лучшего:

C. B.

Jeden dvojlist žlutého dopisního papíru, bez tištěné hlavičky. Psáno ručně po čtyřech stranách modrým inkoustem.

¹ Vasilij Ivanovič Němirovič-Dančenko, zemřel nikoli ve 82, ale ve 92 letech v Praze. In memoriam vyšla kniha Venok (Praga 1938).

² Konstantin Dmitrijevič Balmont (1867—1942), symbolický básník, po VRSSR emigroval do Francie, kde také zemřel.

³ Ivan Alexejevič Bunin (1870—1953), ruský neoromantický prozaik. V době, k níž se vztahuje dopis, žil ještě v Paříži.

⁴ Georgij Vladimirovič Ivanov (1894—1958), sovětský básník a kritik.

⁵ Naděžda Alexandrovna Lochvická-Bučinská (pseud. Teffi), (1876—1952), prozaička a satirička. Po VRSSR emigrovala, žila v ČSR.

⁶ Taťána Lvovna Ščepkina-Kuperniková (1874—1952), sovětská spisovatelka a překladatelka z evropské dramatiky.

X

Прага, 19/XII 1946

Глубокоуважаемый Иосиф Иосифович,

получив сегодня Ваше письмо и желая дать Вам верные сведения, я съездил в Ольшаны, розыскал (слово не поддается переносу по старым правилам, да оно и не точно: „розыскал“ сильно сказано, потому что могила находится у самой церкви, в 18-м квартале) —, словом розыскал могилу

В. И. Немировича-Данченко и списал даты его рождения и смерти; к сожалению некоторые буквы и цифры металлические, вбитые во мрамор, выпыпадали, а иные едва держатся. На надгробном камне значится:

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — ПИСАТЕЛЬ — ТИФЛИС . . . 4. XII. 184 . . . 4 . . . 8. IX. 1936 ПРАГА,

то есть родился в Тифлисе в 1844 г., умер в Праге 1936. Точками я обозначил места выпавших цифр, так что неизвестно, родился ли он 14 или 24 XII. В дате рождения цифра 4 (десятка) едва держится. Да, ему шел 92-ой год, когда он умер, как мне подтвердил один пражский старожил.

*Относительно тех поэтов, о которых я писал Вам, знаю, что Бальмонт родился в 1867 г., Бунин — в 1870, Тэффи — 1876: может быть, это Вам пригодится, а даты смерти пусть разыщет тот юноша, который*издает сборник стихотворений.*

Очень и очень я рад, что Вы приедете в Прагу. Был бы очень благодарен, если бы дня за 3—4 до приезда Вы мне сообщили кореспонд. листком, когда прилизительно Вы будете в Праге. Дело в том, что я должен буду в сентябре на 2—3 дня съездить в Брно посмотреть и выбрать себе комнату из предлагаемых мне. Я не хотел бы разъехаться с Вами и хотел бы быть в Праге во время Вашего приезда, а соответственно с этим определяю время и своей поездки в Брно.

Сердечный мой привет Вам и всему семейству Вашему.

Преданный Вам С. Вилинский

1 dvojlist žlutého dopisního papíru. Psáno ručně na čtyřech stranách modrým inkoustem. Bez tištěné hlavičky.

EINIGE BRIEFE AUS DEM NACHLASS S. G. VILINSKIJS

Doktor S. G. Vilinskij war der erste russische Professor der Slawistik an der tschechischen Universität in Brno. In den Jahren 1923—1948 (ausgenommen eine sechsjährige Unterbrechung während der Okkupation) hielt er an der Philosophischen Fakultät dieser Universität Vorlesungen über die russische Literatur und die nur mündlich überlieferte russische Volksliteratur, sowie über die moderne bulgarische Literatur.

Aus dem Nachlaß S. G. Vilinskij's veröffentlichen wir im vorliegendem Band drei Briefe und zwei Postkarten, die dem Archiv der Zentralbibliothek der Philosophischen Fakultät der J. E. Purkyně-Universität in Brno von der Schwiegertochter des Verstorbenen, Frau Vojtěška Vilinská, gewidmet wurden.

Es sind folgende Briefe und Postkarten:

1. Eine Postkarte von Václav Vondrák, Professor der hiesigen Universität, der S. G. Vilinskij in die Tschechoslowakei einlud und ihm eine Professur über russische Literatur an einer der neugegründeten Universitäten anbietet.

2. Briefe zweier Slawisten, A. V. Florovský aus Prag und J. Jirásek aus Brno, die um wissenschaftliche Informationen bitten.

3. Eine Postkarte und ein Brief von V. L. Podgorodnikov, einem russischen Slawisten aus Pleven in Bulgarien, die die Übersendung von bulgarischen Büchern und Zeitschriften an S. G. Vilinskij betreffen.

Daneben veröffentlichen wir fünf Briefe von S. G. Vilinskij selbst, deren Adressat der Literaturhistoriker Dr. Josef Jirásek aus Brno ist. Die Briefe enthalten vor allem literaturhistorische Informationen über zeitgenössische russische und sowjetische Schriftsteller. Die Originale sind in der Gedenkstätte des nationalen Schrifttums in Prag aufbewahrt.

(Übersetzt von Eliška Hladká)